

И вотъ Лермонтовъ рѣшается, во что бы то ни стало, добиться того, чтобы объ немъ заговорили въ великосвѣтскихъ салонахъ. Планъ у него созрѣлъ, какъ это видно изъ письма его (въ 1835 г.) къ своей кузинѣ Ал. Мих. Верещагиной, въ которомъ онъ писалъ: „Вступая въ свѣтъ, я увидалъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо,—другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества“. Жертвою онъ избралъ свою кузину—Катерину Александровну Сушкову.

Съ Сушковой онъ встрѣтился впервые еще 15-лѣтнимъ юношей. Она заняла его сердце и даже вдохновляла, но, будучи старше его годами, подсмѣивалась надъ восторженнымъ мальчикомъ. Теперь онъ снова увидѣлъ ее въ Петербургѣ, возобновилъ ухаживанье—и покорила ее сердце. Послѣ этого онъ сталъ въ обществѣ обращаться съ нею, какъ съ личностью ему близкою, а потомъ вдругъ покинулъ ее, сталъ холоденъ, насмѣшливъ и даже жестокъ и дерзокъ. Самъ Лермонтовъ объяснялъ свой поступокъ еще тѣмъ, что онъ желалъ отомстить Сушковой за прежнее. Къ той же Верещагиной онъ писалъ: „Я мщу за слезы, которыя пять лѣтъ тому назадъ заставляло проливать меня кокетство m-elle Сушковой“. Но какъ бы то ни было, Лермонтовъ во всякомъ случаѣ добился своей цѣли: о немъ заговорили. Сама Сушкова (впослѣдствіи по мужу—Хвостова) рассказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ послѣ эпизода съ нею заинтересовался поэтомъ цѣлый рядъ лицъ, и Саша Ж., и Лиза Б.

Впрочемъ, продѣлка въ этомъ родѣ была не единственная. Графиня Ростопчина рассказываетъ: „Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ жертвъ Лермонтова, и я не могла удержаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо, при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ, донжуанскимъ подвигамъ. Помню, одинъ разъ онъ, забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родные невѣсты вдругъ получили анонимное письмо,

въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ и затѣмъ онъ болѣе въ этотъ домъ не являлся“.

По поводу всего этого Висковатый замѣчаетъ: „Къ такого рода продѣлкамъ общество относилось тогда очень снисходительно. Принимая во вниманіе нравы времени, приходится быть болѣе снисходительнымъ къ молодому корнету, платившему ему дань.—Надо удивляться, какъ еще въ вихрѣ свѣтскихъ похожденій и товарищеской жизни Лермонтовъ сохранилъ столько серьезныхъ интересовъ и внутренней чистоты, что не только не погибъ въ этихъ своихъ увлеченіяхъ, но ставилъ имъ вѣрную опѣнку и не давалъ брать верхъ надъ собой. Идя съ жизнью и съ бытомъ своего времени, онъ относился къ нимъ, какъ наблюдатель и критикъ, и собиралъ матеріалы для будущихъ своихъ сочиненій тамъ, гдѣ ему приходилось сталкиваться съ разными людьми: на балахъ ли генералъ-губернатора Петербурга, графа Эссена, адмирала А. С. Шишкова и другихъ, или на маскарадахъ и столичныхъ вечерахъ, въ кругу пирующей и мечущей банкъ молодежи, позднѣе—въ лагерѣ боевой жизни, на кавказскихъ водахъ, въ саклѣ чеченца и т. д. „Я на дѣлѣ заготовляю матеріалы для многихъ сочиненій“, говорилъ Лермонтовъ m-elle Сушковой, когда она спрашивала его, зачѣмъ онъ такъ ведетъ себя“...

„При пылкости характера поэтовъ и ихъ врожденной впечатлительности, являются какъ бы естественными тѣ бурныя увлеченія, которымъ предаются они при вступленіи въ жизнь. Извѣстно, что кутежи привели юношу Гѣте на край могилы. Только желѣзная натура спасла его. Пушкина буйная жизнь, которой онъ предавался по выходѣ изъ лицея, довела до тяжкой болѣзни. Кутежи и трата таланта на произведенія весьма скабрзнаго свойства не мѣшали однако ему въ тиши кабинета предаваться серьезному служенію музамъ. И Лермонтовъ, несмотря на разсѣянный образъ жизни, въ которой прожигалъ онъ силы и молодость, трудился надъ своимъ образованіемъ и надъ развитіемъ своего таланта. Кромѣ посѣщенія свѣтскихъ гостинныхъ и кутежа въ товарищескихъ кружкахъ и салонахъ полусвѣта, поэтъ искалъ об-